

ВОЙНЫ В ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОГРАФИИ, АРХИВОВЕДЕНИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, РОССИЙСКОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

*Сборник материалов
Десятой международной конференции
молодых ученых и специалистов*

Оlic 2020

РОССПĀН
Москва
2020

УДК 930
ББК 63
В65

*Издание осуществлено при поддержке
Фонда «История Отечества»*

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

Редакционная коллегия:

Н. М. Волхонская, Е. М. Григорьев,
А. В. Лукашин (отв. секретарь), Н. А. Лысенков,
А. К. Сорокин (отв. редактор), М. А. Тимофеева, Д. С. Чернышова

Войны в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, архивоведения и источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени : Сборник материалов Десятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Слио-2020» / [отв. ред. А. К. Сорокин]. – М. : Политическая энциклопедия, 2020. – 406 с.
ISBN 978-5-8243-2325-2

В сборник включены тезисы докладов участников Десятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Клио», которая ежегодно проводится в Российском государственном архиве социально-политической истории начиная с 2011 года. Доклады посвящены актуальным историко-архивным проблемам, важным сюжетам археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. В 2020 году отмечается 75 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне и завершения Второй мировой войны. В связи с этим основной темой 10-й юбилейной конференции «Клио» стали дискуссионные проблемы и новейшие исследования по истории Второй мировой войны.

На конференции состоялось обсуждение методических подходов к анализу и конструированию памяти о Второй мировой войне и существующих в России и зарубежных странах практик воспоминания о ней и связанных событиях: боевых действиях, подвигах и преступлениях, стратегических и тактических планах командования, экономических, социальных и геополитических аспектах. Специальное внимание было уделено таким институтам памяти о войне, как архив, музей, мемориал, медиа, а также формам сохранения памяти и трансляции дискурса.

В работе конференции приняли участие более ста молодых ученых из России, Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Узбекистана, Австрии, Великобритании, Германии, Исландии, Италии, Франции.

УДК 930
ББК 63

ISBN 978-5-8243-2325-2

© Российский государственный архив
социально-политической истории, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Политическая энциклопедия, 2020

РЕАКЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ КОСТРОМЫ И КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА МАНИФЕСТ 17 ОКТЯБРЯ 1905 г.

*Сулов Иван Николаевич, к.и.н.
(Костромской государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник)*

В 2020 году исполняется 115 лет со дня публикации манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», который «даровал населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»¹. В связи с этим является актуальным обобщение и анализ имеющегося материала, и раскрытия новых аспектов проблемы. В настоящей статье ставится задача исследования реакции населения Костромы и Костромской губернии на «октябрьский манифест».

После объявления манифеста 17 октября 1905 г. в ряде городов Российской империи прошли черносотенные погромы, в том числе и в Костроме. 19 октября 1905 г. на Сусанинской площади г. Костромы собрался митинг. Очевидец описывал выступление оратора следующим образом: «Какой-то революционер стал читать прокламацию, сущностью которой, конечно, было это кощунственное, отвратительное: “Долой самодержавие”. Крестьяне сперва внимательно слушали. Потом перебивают чтеца: “Ты это что читаешь?” – “А вот слушай”. – Чтение продолжается. “А, так вот оно что! Это он читает, что Царя не нужно, да и Бога не нужно. Бей их! Постоим за бога и за Царя православного!”»² В ответ на антиправительственные высказывания революционеров монархически настроенное население начало избивать собравшихся.

Иван Гаврилович Смирнов вспоминал: «...со стороны Мучных рядов и Царевской улицы от полицейского управления с колыями и тростями бежали разъяренные банды черной сотни с криками “бей смутьянов”, “бей бунтарей безбожников”, “бей жидов”. Банды черносотенцев, переодетых

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1905. СПб., 1908. Т. 25. С. 754.

² Костромские епархиальные ведомости. Приложение к официальной части. 1905. 1 ноября. С. 652.

в штатскую одежду царских опричников, набросились на мирную безоружную демонстрацию и зверски стали избивать людей»³.

Старый большевик Ирина Герасимовна Киселева-Маслова впоследствии писала: «Пошла я в магазин. Подхожу к полицейской управе и вижу, что много собралось народу около памятника Ивану Сусанину. Подошла. Вижу, стоит оратор. Он говорил о забастовках в Петербурге и в Москве, о войне с Японией. Рабочие, которые выступали, требовали прекращения войны и улучшения жизни. Среди присутствующих большинство были студенты, техники, реалисты. Рабочих было мало. Правда, тут было много рабочих печатников. Их окружили стражники и казаки. Часть участников митинга разбежалась, остальных под конвоем загнали во двор полицейской управы»⁴.

Митинг проходил рядом с полицейским управлением и торговыми рядами. Тем не менее полиция не препятствовала избению учащейся молодежи. На площади присутствовали преимущественно представители интеллигенции. В избении принимали участие «черносотенцы». Местная периодическая печать отмечала: «Бедные юноши! По своей молодости, неопытности и недалёковидности они совсем упустили из виду, что в России есть миллионы людей, не читающих газет, особенно с либеральным направлением, людей, лозунгом жизни коих было всегда и остается: “православие и самодержавие”. Эти люди не знают существа реформ государственного и общественного строя, на которых настаивает нынешняя интеллигенция и либеральная часть русского населения»⁵. Для сельского населения антимонархические высказывания ораторов явились покушением на традиционный образ жизни и мировоззрение.

После погрома «в подгородных деревнях вечером в день избения учащихся некоторые крестьяне, приехавшие из города, открыто хвастались перед с соседями привезенными из города и снятыми с избитых учащихся колошами, ботинками и т. п., но теперь, узнав, что судебная власть принялась [...] отыскивать виновных, [...] все участвовавшие в избении крестьяне, [...] стараются скрыть участие отдельных лиц в побоище...»⁶. Сельские жители принимали участие в избении демонстрантов и, пользуясь неразберихой, присваивали себе личные вещи жертв погрома.

В селе Шунга Костромского уезда «избиение учащихся произвело свое впечатление на наше крестьянство. Некоторые из бывших 19 октя-

³ Воспоминания Смирнова Ивана Гавриловича о революционных событиях и трудовой деятельности // Костромской музей-заповедник. Научно-вспомогательный фонд 17419. Л. 4.

⁴ Рукопись. Киселева-Маслова Ирина Герасимовна. Воспоминания старого большевика с 1903 года по 1920 год // Костромской музей-заповедник. Научно-вспомогательный фонд 17490. Л. 2.

⁵ Костромские епархиальные ведомости. Приложение к официальной части. 1905. 1 ноября. С. 633.

⁶ Костромской листок. 1905. 26 октября.

бря в городе, участвовавших в погроме, хвастались этим открыто (пока не услышали о начале следствия по этому делу)... Разногласие в мнениях вызвали настолько обостренные отношения между крестьянами, что сочувствующие “черной сотне” (вроде Ф.Д. Сидорова, Лукошина, Быкова) грозят избить побольше “грамотеев и чтецов газет” и погромить чайную (Жукова), в которой последние собираются»⁷. Мнения крестьян разделились: часть сельских жителей сочувствовала молодежи, другая же прослойка крестьян поддерживала самодержавную власть.

В уездах губернии текст «октябрьского манифеста» среди крестьян вызвал недоверие. Так, в Покровской волости Буйского уезда «местного земского начальника г. Травина при объяснении крестьянам манифеста 17 октября постигла такая же неудача, как и его Кинешемского коллегу Хомутова. Крестьяне в самом начале чтения манифеста отнеслись к нему крайне скептически и под конец и прямо заявили, что этот манифест подложный, требуя от земского показать им настоящий, где им обещана прирезка земли». В ответ земский начальник пробовал успокоить их, «но неудачно и скоро принужден был ретироваться. Тогда крестьяне обратились за манифестом к духовенству, но и от него услышали только то, что слышали и от начальства»⁸.

Сельские жители ожидали получить от манифеста прирезку земли. В связи недоверием к официальным властям в Кинешемском уезде среди крестьян царил «уверенность, что от них скрыли какой-то манифест. Это обостряет их недовольство»⁹. Главной проблемой сельской местности являлось малоземелье и поэтому крестьяне ожидали от манифеста решения именно своих насущных проблем. В связи с тем, что зачитанный манифест не оправдал их ожиданий, крестьяне отнеслись с недоверием к местным властям, считая, что земство саботирует «подлинный» манифест царя.

После объявления «октябрьского манифеста» в Костроме создается особый комитет «по успокоению населения и разъяснению ему манифестов 17 октября и 3 ноября». По мнению А.В. Перелешина, «часть крестьянства совсем не знакома с манифестами 17 октября и 3 ноября, а многие неправильно понимают последний. Результатом этого непонимания, и отчасти постороннего подстрекательства явились так называемые аграрные волнения»¹⁰. В связи с неполучением земельных наделов после «октябрьского манифеста» жители сел и деревень под влиянием революционных партий переходят к радикальным мерам: погромы усадеб, захват земли, порубки леса и др.

Таким образом, в ответ на «октябрьский манифест» в Костроме произошел черносотенный погром, в котором принимали участие приехавшие

⁷ Костромской листок. 1905. 28 октября.

⁸ Костромская жизнь. 1906. 11 января.

⁹ Костромской голос. 1906. 20 января.

¹⁰ Костромской листок. 1906. 13 января.

на ярмарку крестьяне. В сельской местности жители, ожидая получить от манифеста прирезку земли, с недоверием отнеслись к зачитанному им земским начальником тексту. В связи с отсутствием решения проблемы малоземелья жители сел и деревень под влиянием революционных партий и организаций переходят к радикальным мерам.